АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт всеобщей истории

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ 1985

Сборник статей

МОСКВА
«НАУКА»
1985

Сборник посвящен актуальным проблемам истории социалистических и утопическо-коммунистических идей в Западной Европе и Америке в XVI—XIX вв. Особое внимание обращено на изучение теоретической разработки Энгельсом вопросов, связанных с указанной проблематикой. Ряд статей посвящен истории утопического социализма XIX в. (распространению идей Сен-Симона в России, утопии Т. Скидмора, социалистическим идеям в чартизме). В сборнике содержатся материалы по историографии утопического социализма, имеется раздел публикаций.

Редакционная коллегия:

Л. С. ЧИКОЛИНИ (ответственный редактор),
В. М. ВОЛОДАРСКИЙ (ответственный секретарь),
Н. Ю. КОЛПИНСКИЙ, В. А. МАЛИНИН, Т. А. ПАВЛОВА,
Н. Б. ТЕР-АКОПЯН, А. Э. ШТЕКЛИ

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011-2013

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

В. В. Галкин Идеи социализма в чартистском движении (конец 40-х — начало 50-х годов XIX в.) 3

А. Э. Штекли Подготовительные работы к «Анти-Дюрингу» и вопрос о начале утопического социализма 29

Г. С. Кучеренко Некоторые сведения об отношении к Сен-Симону и сенсимонистам в России (XIX — начало XX в.) 45

М. Н. Соколова Сюдр — историк утопического социализма 67

К. Э. Кирова Итальянские умеренные и французский утопический социализм и коммунизм (30—40-е годы XIX в.) 81

К. М. Андерсон Томас Скидмор: отголоски просвещения или ростки американской утопии? 107

В. В. Карева «Утопия» Томаса Мора в издании М. де Керлона 138

Т. А. Павлова Идеал человека в произведениях Джерарда Уинстэнли 145

И. Н. Осиновский «Утопия» Томаса Мора в Англии XVII в. 163

Л. С. Чиколини «Рассказ о собственных книгах» Кампанеллы 190

В. М. Володарский Социальная утопия Теофраста Парацельса 211

ПУБЛИКАЦИИ

Е. М. Кожокин Из истории утопического социализма во Франции в 30—40-е годы XIX в.
Вступ. ст., публ. и пер. с фр. 234

В. Д. Балакин Из социальной утопии Иоганна Валентина Андреэ
Вступ. ст., публ., пер. с латин. и коммент. 249

Комментарии 267

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
http://istmat.info/node/29200

Альфред Энгельбертович Штекли

Подготовительные работы к «Анти-Дюрингу» и вопрос о начале утопического социализма

Работать над «Анти-Дюрингом» Энгельс, как известно, начал в середине 1876 г.[1] Сохранился черновой набросок первых его страниц[2]. «Введение» открывалось такой фразой: «*Современный социализм*, хотя он по существу дела возник из наблюдения существующих в обществе классовых противоположностей между имущими и неимущими, рабочими и эксплуататорами, но по своей теоретической форме он выступает сначала как более последовательное, дальнейшее развитие принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века,— ведь первые представители этого социализма, Морелли и Мабли, также принадлежали к числу просветителей»[3].

Не приходится подчеркивать, сколь интересен этот отрывок для историков социалистических идей. Энгельс отметил связь между дальнейшим развитием принципов французского Просвещения и возникновением утопического социализма, назвав Морелли и Мабли первыми его представителями.

Зная, как высоко Маркс и Энгельс ценили роль этих философов в истории социалистических учений, приведенный отрывок воспринимается как нечто совершенно закономерное. Еще в 1845 г. Энгельс с единомышленниками задумал издавать «Библиотеку выдающихся иностранных социалистов»[4]. Как вскоре выяснилось, этот план пришел одновременно в голову и Марксу[5]. Именно ему писал Энгельс в марте 1845 г.: «Возвращаюсь к вопросу о „Библиотеке“. Не знаю, будет ли *исторический* порядок этой серии наилучшим. Так как французы и англичане должны будут чередоваться, то ход развития все равно будет постоянно нарушаться. Кроме того, я думаю, что лучше было бы пожертвовать *теоретическими* интересами в пользу практических соображений и начать с тех произведений, которые дадут немцам больше всего материала и которые ближе всего к нашим принципам, то есть с лучших произведений Фурье, Оуэна, сен-симонистов и т. д.— Морелли тоже можно было бы дать одним из первых. Историю развития можно было бы изложить в кратком введении ко всему изданию, так что читателю было бы легко ориентироваться и при таком расположении мате-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 680.
[2] *Engels F.* Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. M.; L., 1935, S. 396—397. (Далее: Anti-Dühring).
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 16.
[4] Там же, т. 27, с. 24.
[5] См.: Там же, с. 27.

риала. Это введение мы могли бы написать вместе: ты взял бы Францию, я — Англию»[6].

В записной книжке Маркса сохранился набросок плана такой «Библиотеки»[7]. Список имен начинается как раз с Морелли и Мабли. Если мы будем помнить об этом, то нас еще больше озадачит правка, которой Энгельс подверг первый абзац «Анти-Дюринга».

В журнале «Форвертс», органе Социал-демократической партии Германии, в номере от 3 января 1877 г. интересующий нас отрывок звучал так: «Современный социализм по своему содержанию является прежде всего результатом наблюдения, с одной стороны, господствующих в современном обществе классовых противоположностей между имущими и неимущими, наемными рабочими и буржуа, а с другой — царящей в производстве анархии. Но по своей теоретической форме он выступает сначала только как дальнейшее и как бы более последовательное развитие принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века. Как всякая новая теория, социализм должен был исходить прежде всего из накопленного до него идейного материала, хотя его корни лежали глубоко в экономических фактах»[8].

Морелли и Мабли, как видим, из текста исчезли. Трудно точно определить, когда это произошло. Так или иначе, но во второй половине 1876 г. Энгельс, выходит, перестал считать Морелли и Мабли первыми представителями утопического социализма? Что кроется за этой переменой?

Ведь с титульной страницы журнала «Форвертс» Морелли и Мабли не исчезли совсем. Они упомянуты ниже, в той же колонке, но уже в ином качестве. Прочтем внимательно текст чистовой редакции. Энгельс пишет о роли буржуазии в борьбе с феодалами и движениях того класса, который он позже назвал *пред*пролетариатом[9]: «И хотя в общем и целом буржуазия в борьбе с дворянством имела известное право считать себя также представительницей интересов различных трудящихся классов того времени, тем не менее при каждом крупном буржуазном движении вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата. Таково было движение Томаса Мюнцера во времена Реформации и Крестьянской войны в Германии, левеллеров — во времена великой английской революции, Бабёфа — во времена великой французской революции. Эти революционные вооруженные выступления еще не созревшего

[6] Там же. с. 25.
[7] См.: Там же, т. 42, с. 259, 479.
[8] Для удобства мы цитируем этот отрывок по русскому переводу, сделанному с издания 1894 г. Здесь издание 1894 г. ничем от первоначальной публикации не отличается, если не считать, что в последней фразе вместо слова «социализм» стояло «он» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 16). Там же воспроизведено факсимильное изображение соответствующей страницы «Форвертса».
[9] См.: Там же, т. 39, с. 399.

класса сопровождались[10] соответствующими теоретическими выступлениями; таковы в XVI и XVII веках утопические изображения идеального общественного строя, а в XVIII веке — уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли)»[11].

Итак, если прежде Морелли и Мабли были названы первыми представителями утопического социализма, то в чистовой редакции они фигурируют как создатели «уже прямо коммунистических теорий».

Непосредственно вслед за упоминанием Морелли и Мабли Энгельс пишет: «Требование равенства не ограничивалось уже областью политических прав, а распространялось на общественное положение каждой отдельной личности; доказывалась необходимость уничтожения не только классовых привилегий, но и самих классовых различий. Аскетически суровый, спартанский коммунизм был первой формой проявления нового учения»[12].

Правильное истолкование процитированного отрывка из «Анти-Дюринга» имеет важное значение для периодизации истории социалистических идей, но как раз это и вызывает немалые трудности. Что понимал Энгельс под «аскетически суровым, спартанским коммунизмом» — все теоретические выступления XVI—XVIII вв., в которых в той или иной форме проповедовалась общность имущества (от Томаса Мора и Мюнцера до Морелли и Бабёфа) и которые проходили наряду[13] с самостоятельными движениями предпролетариата и им соответствовали, либо лишь «уже прямо коммунистические теории» Морелли и Мабли?

То, что возникновение «аскетически сурового, спартанского коммунизма», по Энгельсу, предшествовало созданию собственно утопического социализма и утопического коммунизма, сомнений не вызывает. Но значит ли это, что «аскетический коммунизм» был первой формой (либо первым этапом, либо первым периодом) еще исторически не сложившегося утопического социализма?

Есть путь, который, по нашему мнению, поможет приблизиться к разрешению этих непростых вопросов. Говоря о выдвинутой Энгельсом концепции истории социализма, необходимо проследить, как постепенно она складывалась в законченное целое и как в процессе формирования уточнялись отдельные ее детали. Показать это на ряде примеров — цель настоящей статьи.

Частично опубликованные черновые наброски к «Анти-Дюрингу» дают для этого ценный материал. Ясно, что выдвигаемые нами соображения и наблюдения носят предварительный характер, поскольку чисто текстологические проблемы, возникающие при такого рода исследовании, окончательно разрешить в состоянии лишь люди, непосредственно работающие с рукописями Энгельса.

[10] В переводе возможны некоторые уточнения. См.: *Штекли А. Э.* Энгельс о начальном этапе утопического социализма.— В кн.: Из истории марксизма-ленинизма и международного рабочего движения. М., 1982, с. 119—120.
[11] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 17—18.
[12] Там же, с. 18.
[13] См.: *Штекли А. Э.* Энгельс о начальном этапе утопического социализма, с. 120.

Прежде всего несколько слов о самом термине «аскетический коммунизм», которым мы будем пользоваться — и не только из-за его краткости. Правомерность его применения станет очевидной, если обратиться к подлиннику [14]. То, что слово «аскетический» Энгельс понимал и в достаточно узком смысле, доказывает не только связь этого определения со столь важным для Энгельса суждением о «плебейско-пролетарском аскетизме» [15], но и неопровержимый текстологический аргумент — сделанное им позже поясняющее дополнение: «Аскетический, запрещавший всякое наслаждение жизнью, опиравшийся на Спарту коммунизм» [16].

Не следует, вероятно, упускать из виду и того, что в черновом наброске разбираемого отрывка Энгельс говорил просто о «французских аскетических коммунистах» [17].

Итак, факт налицо: Морелли и Мабли, прежние «первые представители» утопического социализма, стали в чистовой редакции представителями «аскетического коммунизма». Но первыми ли?

Правка, произведенная Энгельсом, заставляет задуматься. Идет ли речь лишь об уточнении формулировок, или за этим кроются более серьезные причины? В чистовом варианте нет «первых представителей», но есть «основатели социализма» и ими оказываются люди другой эпохи: Сен-Симон, Фурье и Оуэн [18].

Спор о том, следует ли относить слова Энгельса об «аскетическом коммунизме» ко всему периоду XVI—XVIII вв. или только к «уже прямо коммунистическим теориям» Морелли и Мабли, не может быть разрешен лишь путем изменения акцента при толковании широко известной цитаты. Надо ли делать упор на словах «уже прямо коммунистические» или на слове «теории»? При таком подходе к делу слишком велик простор для крайне субъективных суждений. Чтобы по возможности этого избежать, необходимо привлечь новые дополнительные материалы, которые позволили бы лучше понять высказанную Энгельсом мысль. А в этом отношении использовано еще далеко не все.

Здесь немалую роль призвано сыграть как более тщательное изучение тех книг, которые находились в распоряжении Энгельса [19], так и самого процесса создания «Анти-Дюринга».

---

14 Anti-Dühring, S. 21: «Ein asketischer, an Sparta anknüpfender Kommunismus war so die erste Erscheinungsform der neuen Lehre».

15 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 378; *Marx K., Engels F.* Werke. B., 1978. Bd. 7. S. 360. (Далее: MEW).

16 Ibid. B., 1978, Bd. 19, S. 191: «Ein asketischer, allen Lebensgenuß verpönender, an Sparta anknüpfender Kommunismus». Ср. русский перевод в кн.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 191. Отметим, что в «Крестьянской войне в Германии» Энгельс дважды упоминал о «спартанском равенстве». См.: Там же, т. 7, с. 377—378; MEW, Bd. 7. S. 359—360: «spartanische Gleichheit».

17 Anti-Dühring, S. 397.

18 См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 268—269.

19 В Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится, к примеру, пока еще не исследованный экземпляр «Утопии» Томаса Мора с собственноручными, по всей вероятности, пометками Энгельса.

Советские историки и философы, занимающиеся утопическим социализмом, долгое время оставляли без внимания интереснейший текст. Среди подготовительных работ к «Анти-Дюрингу» есть черновой набросок, прямо касающийся нашей темы. В материалах, помещенных в 20-м томе второго издания Сочинений Маркса и Энгельса, его нет, но он был опубликован на языке оригинала еще в 1935 г. [20], а еще раньше — в издании «Анти-Дюринга», осуществленном под редакцией Д. Рязанова [21].

Отметив, что великие мыслители XVIII в. не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха, Энгельс писал: «Но наряду с противоположностью между знатью, монархией и бюргерством существовала общая противоположность между эксплуататорами и эксплуатируемыми, бедными рабочими и богатыми тунеядцами — ведь именно это обстоятельство и давало возможность представителям буржуазии выступать в качестве представителей страждущего человечества,— хотя уже и существовала, еще в неразвитой форме и не выдвигаясь на передний план, противоположность между рабочими и капиталистами. И эта противоположность побуждала отдельные умы идти в их критике дальше, распространять требование равенства не только на равенство политических прав, но и социального положения, требовать упразднения классовых различий. У Сен-Симона оба направления проступали вперемешку, у французских аскетических коммунистов последнее [направление] было господствующим; непосредственно опираясь на французский материализм, Оуэн развил его в систему в стране наиболее развитого капиталистического производства и порожденных вследствии этого противоположностей» [22].

Нам уже приходилось обращать внимание на важность процитированного фрагмента и той черновой записи тезиса, касающегося XVI—XVIII вв., который за ним следует [23]. Ограничимся здесь лишь тем, что необходимо иметь в виду для правильного понимания приведенного выше текста. В первоначальном варианте, как видим, не было ни революционных порывов XVI—XVII вв., ни соответствующих им теоретических выступлений. Речь шла о Просвещении, о том, что в теоретическом плане социализм имел своих первых представителей в лице Морелли и Мабли.

Это следует особенно подчеркнуть. Мысль, составляющая основу той формулировки, которая дана «аскетическому коммунизму» в чистовом варианте [24], высказана еще в черновом наброске: противо-

---

20 Anti-Dühring, S. 396—397.

21 *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. М., 1928.

22 Anti-Dühring, S. 396—397.

23 Подробнее см.: *Штекли А. Э.* Энгельс о начальном этапе утопического социализма, с. 126—132.

24 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 18: «Требование равенства не ограничивалось уже областью политических прав, а распространялось на общественное положение каждой отдельной личности; доказывалась необходимость уничтожения не только классовых привилегий, но и самих классовых различий».

положность между рабочими и капиталистами «побуждала отдельные умы идти в их критике дальше, распространять требование равенства не только на равенство политических прав, но и социальное положение, требовать упразднения классовых различий».

Сопоставив процитированный отрывок со словами Энгельса о Морелли и Мабли как первых представителях утопического социализма, словами, находящимися в том же наброске, естественно сделать заключение: высокая оценка роли Морелли и Мабли объясняется тем, что именно они распространили принцип равенства и на социальное положение, требуя отмены самих классовых различий.

Однако мы не должны упустить из виду, в каком контексте упомянуты «французские аскетические коммунисты» в черновой редакции: они названы после Сен-Симона. Отсюда легко прийти к выводу, что Энгельс подразумевал здесь людей, близких по времени к Сен-Симону,— сторонников французского «рабочего коммунизма» с его тенденцией к грубой уравнительности и аскетизму.

Но можно ли утверждать, что как раз они создали направление, которое требовало упразднения самих классовых различий? Нет, это направление у них «было господствующим», тогда как прежде. у Сен-Симона, оно «проступало вперемешку» с направлением, ограничивавшимся требованием равенства политических прав. Это направление — в чистовом варианте оно будет названо «пролетарским» — существовало и до Сен-Симона. Оно было создано теми «отдельными умами», которые не хотели мириться с противоположностью между рабочими и капиталистами, шли дальше остальных в своей критике существующего строя и настаивали на ликвидации классовых различий. Именно это направление и было развито Оуэном, опиравшимся на французский материализм, в виде системы.

Если под «французскими аскетическими коммунистами» Энгельс подразумевал сторонников «рабочего коммунизма», возникшего под влиянием идей Бабёфа и его последователей, которые взросли на доктринах Морелли и Мабли, то правомерен вывод, что именно последние, по Энгельсу, были теми «отдельными умами», которые философски обосновали необходимость упразднения всех классовых различий, создав «уже прямо коммунистические теории».

Возможно, что сама связь «аскетических коммунистов» с Бабёфом и его идейными предшественниками натолкнула Энгельса на мысль о целесообразности небольшого «исторического экскурса». В рукописи Морелли и Мабли еще фигурировали как первые представители социализма, когда появилась краткая запись тезиса: «Буржуазное развитие с самого своего начала обременено этой противоположностью. Т. Мюнцер, левеллеры, „Утопия“ Т. Мора и т. д.» [25].

Упоминание о «французских аскетических коммунистах» с их пролетарским, или плебейско-пролетарским, представлением о равенстве [26] повлекло за собой и раздумия об идейных и социальных корнях «аскетического коммунизма». Энгельс хочет проследить, как с появлением капиталистического способа производства в результате порождаемых им противоположностей возникают и самостоятельные революционные устремления предпролетариата, и соответствующие теоретические выступления.

При развертывании этого тезиса чистовой вариант пополняется отрывком, где Морелли и Мабли выступают в новом качестве — как создатели «уже прямо коммунистических теорий». Та часть фразы черновика, где они значились как первые представители социализма, соответственно вычеркивается.

Мы в затруднении. Ведь если согласиться, что Энгельс датировал начало «аскетического коммунизма» первыми десятилетиями XVI в., видя в нем, как считают многие советские авторы, «ранний утопический социализм», то тогда его первыми представителями оказываются уже не Морелли и Мабли, а Томас Мор и Мюнцер. При работе над «Введением» Энгельс, выходит, весьма существенно изменил свое представление об истории социализма? Переработка первоначального текста не ограничилась «изменением статуса» Морелли и Мабли. Появившийся в чистовой редакции «исторический экскурс» дает простор для предположения, что и оценка Мюнцера Энгельсом претерпела известную трансформацию. Если прежде Энгельс никогда не писал, что учение Мюнцера было уже коммунизмом, а, напротив, отмечал, что при всей своей революционности оно отличалось лишь «близостью к коммунизму», «проблесками коммунистических идей» [27], то теперь как бы получалось, будто Мюнцер — один из столпов «аскетического коммунизма», если вообще не его родоначальник [28].

Надо думать, что если такое переосмысление идей Мюнцера действительно произошло, то оно не обязательно связано с «изменением статуса» Морелли и Мабли и правкой текста во второй половине 1876 г. Оно могло найти отражение и в каких-то более ранних заметках Энгельса, касающихся времен Крестьянской войны в Германии. Работая над первоначальным наброском «Введения», которое должно было открывать «Диалектику природы», Энгельс писал: «Современное естествознание... начинается с той грандиозной эпохи, когда бюргерство сломило мощь феодализма, когда на заднем плане борьбы между горожанами и феодальным дворянством показалось мятежное крестьянство, а за ним революционные предшественники современного пролетариата, уже с красным знаменем в руках и с коммунизмом на устах» [29].

---

[25] Anti-Dühring, S. 397.

[26] Относительно «плебейско-пролетарского представления о равенстве» см.: *Штекли А. Э.* «Крестьянская война в Германии» Энгельса и изучение утопического коммунизма.— В кн.: История социалистических учений. М., 1983.

[27] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 371, 364.

[28] См.: *Штекли А. Э.* «Родоначальник утопического коммунизма» и «проблески коммунистических идей».— В кн.: История социалистических учений. М., 1982.

[29] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 508.

Этот первоначальный набросок был сделан в конце 1874 г.[30] Поскольку Мюнцер являлся самым радикальным идеологом своей эпохи, то можно бы предположить, что такое упоминание о «коммунизме на устах» предпролетариата косвенно указывало на известную переоценку Энгельсом Мюнцеровых идей. Энгельс, похоже, готов был теперь считать коммунизмом учение Мюнцера?

Но это предположение не подтверждается. Последнее прижизненное издание «Крестьянской войны в Германии» Энгельса вышло в 1875 г.[31], т. е. после составления чернового наброска «Введения» к «Диалектике природы». И в издании 1875 г., и в двух прежних (1850 и 1870 гг.) политическая программа Мюнцера рассматривалась лишь как «близкая к коммунизму».

«Коммунизм на устах» предпролетариата, появившийся было в черновом наброске, ни о какой перемене во взглядах Энгельса относительно требований общности имущества, раздававшихся в XVI в., не свидетельствовал. Это ясно видно из чистовой редакции соответствующего отрывка «Диалектики природы», датируемой, как считают, 1875 г.[32] Там вместо слов «с коммунизмом на устах» Энгельс написал: «с требованием общности имущества на устах»[33].

Эта поправка стала бы совершенно необъяснимой, если бы Энгельс считал теперь, что Мюнцер и его приверженцы были поборниками «аскетического коммунизма».

Нет фактов, которые бы доказывали, что Энгельс склонен был рассматривать любой призыв к общности имущества как страницу истории утопического коммунизма. Напротив, все, что нам известно об отношении Энгельса к «Истории социализма в отдельных очерках», затеянной и осуществленной Каутским, говорит о другом. Энгельс не принимал «расширительного» толкования социализма. Пестрый набор различных учений, который Каутский выдавал за «историю социализма», Энгельс расценивал лишь как его «предысторию»[34].

Пусть так. Но все-таки Энгельс нашел нужным пополнить «Введение» кратким «историческим экскурсом» и изменить «статус» Морелли и Мабли.

Краткая запись показывает, что, размышляя над истоками пролетарского представления о равенстве, Энгельс предпочел не ограничиваться одной лишь Францией. Он думает не только о веке Просвещения, думает о далеком прошлом, о первых проявлениях противоположности, порождаемой капиталистическим производством, о первых на нее реакциях в Германии, Англии, Франции.

Но раз так, то не слишком ли мы увлекаемся «французской стороной», когда выдвигаем предположение, что Энгельс, говоря об «аскетическом, опиравшимся на Спарту коммунизме», имел в виду прежде всего теории Морелли и Мабли? Даже если это справедливо по отношению к «отдельным умам», фигурирующим в черновом варианте, то не подтверждается краткой записью будущего экскурса. Назвав в чистовой редакции Мюнцера, левеллеров, Бабёфа, упомянув об «утопических изображениях идеального общественного строя», не расширил ли тем самым Энгельс круг «отдельных умов», внесших свою лепту в разработку, как сказали бы мы, плебейско-пролетарского представления о равенстве?

На этот вопрос мы ответим положительно. Однако тут же подчеркнем другое обстоятельство, куда более важное: между первоначальным текстом «Введения», записью тезиса, дополняющего изложение, самим «историческим экскурсом» и чистовой редакцией первых страниц «Анти-Дюринга» принципиальных расхождений, на наш взгляд, не существует. Общая концепция и в предварительных записях, и в окончательно отредактированном тексте одна и та же. Можно говорить лишь об отдельных изменениях и дополнениях, конкретизирующих основную мысль.

А как же с «расжалованием» Морелли и Мабли? Ведь в первоначальном варианте они были «первыми представителями» социализма, а в чистовой редакции это свое звание утратили?

Речь идет не о коренном пересмотре их роли в истории общественной мысли, а лишь об уточнении формулировок. Энгельс, видимо, полагал, что первой формой проявления утопического социализма было возникновение коммунистических теорий, которые послужили позже основой для выработки пролетарского представления о равенстве как сути раннего, уравнительного коммунизма.

Само появление «аскетического коммунизма» знаменовало собой скачок в развитии общественной мысли. Главное качественное отличие «аскетического коммунизма» от других, даже самых радикальных учений об общности имущества заключалось в том, что лишь теперь впервые призыв к упразднению всех привилегий и всех классовых различий избавляется от своей религиозной формы. Необходимость полного равенства и общности впервые обосновывается доводами рационалистической философии. Теоретической базой «аскетического, опиравшегося на Спарту коммунизма» явились «уже прямо коммунистические теории» Морелли и Мабли.

То, что «аскетический коммунизм» непосредственно предшествовал выступлениям Сен-Симона, Фурье и Оуэна, показывает: это понятие распространяется не только на теории Морелли и Мабли. Оно включает в себя, на наш взгляд, как учение Бабёфа, так и доктрины его последователей. Дополнение[35], сделанное Энгельсом при подготовке брошюры «Развитие социализма от утопии к науке», тоже, вероятно, было навеяно мыслями о Бабёфе.

В истории коммунистических представлений Энгельс отводил Морелли и Мабли важнейшую роль. Их «переименование» вовсе не

[30] См.: Там же, с. 714.
[31] См.: Прижизненные издания и публикации произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1974, 1977. Ч. 1, 2.
[32] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 714.
[33] Там же, с. 345.
[34] См.: *Штекли А. Э.* Энгельс и издание «Истории социализма в отдельных очерках», 1895.— В кн.: История социалистических учений. М., 1982; *Он же.* Энгельс о начальном этапе утопического социализма, с. 134—142.

[35] К словам «аскетически суровый, спартанский коммунизм» было добавлено: «запрещавший всякое наслаждение жизнью» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 191).

означало, что Энгельс в этом как-то усомнился. Прежде он тоже полагал, что оба просветителя так же, как и Бабёф, стоят у истоков французского коммунизма. Даже в молодые годы Маркс и Энгельс считали нужным оттенить грань, которая отделяла «собственно социалистические и коммунистические системы» — системы Сен-Симона, Фурье и Оуэна — от других учений, проникнутых духом грубой уравнительности и аскетизма, в том числе Бабёфа. Но и суровые слова, высказанные в «Манифесте Коммунистической партии» по адресу Бабёфа[36], не значили, что он и его идейные вдохновители перестали рассматриваться как часть французского утопического коммунизма.

Таким образом, «переименование» Морелли и Мабли свидетельствует, что, продолжая работать над «Анти-Дюрингом», Энгельс решил четче провести разграничительную линию между учениями Сен-Симона, Фурье и Оуэна, этими создателями утопического социализма в подлинном смысле слова, и предшествующими им «уже прямо коммунистическими теориями» Морелли и Мабли. Одновременно он подчеркнул самобытность и значительность тех учений, которые названы были «аскетическим коммунизмом». Это нашло прямое отражение в чистовой редакции: «аскетический коммунизм» был охарактеризован как первая форма проявления утопического социализма.

Стремясь избежать непонимания, которое могло бы возникнуть, если Морелли и Мабли сперва фигурировали бы как первые представители социализма, а ниже его создателями назывались другие люди, Энгельс несколько изменил текст. Морелли и Мабли по-прежнему сохраняли свое особое положение — теперь в качестве творцов «уже прямо коммунистических теорий».

Если встать на точку зрения, противоположную выдвинутой нами, и предположить, что под «аскетическим коммунизмом» Энгельс понимал первый этап развития утопического социализма, который начался с Томаса Мора и Мюнцера, а завершился Морелли и Мабли, то это противоречит как действительной истории распространения аскетически-коммунистических представлений в XVIII[37] и первой половине XIX в.[38], так и наблюдениям над трансформацией разбираемого текста Энгельса. В первоначальном наброске «французские аскетические коммунисты» появляются как современники Сен-Симона и Оуэна.

«Аскетический коммунизм» не завершился, по Энгельсу, теориями Морелли и Мабли, а, на наш взгляд, напротив, *начался* с их «уже прямо коммунистических теорий». Их идеи оказали огромное влияние на Бабёфа и его последователей в 30—40-е годы, на формирование французского и немецкого «рабочего коммунизма».

[36] Там же, т. 4, с. 455.
[37] См.: *Иоаннисян А. Р.* Коммунистические идеи в годы Великой Французской революции. М., 1966; *Волгин В. П.* Французский утопический коммунизм. М., 1979.
[38] *Волгин В. П.* Указ. соч.; *Иоаннисян А. Р.* К истории французского утопического коммунизма первой половины XIX столетия. М., 1981; *Höppner J., Seidel-Höppner W.* Von Babeuf bis Blanqui. Leipzig, 1975, Bd. I, II.

Как бы мы ни понимали слова Энгельса о «первой форме проявления нового учения», нельзя, конечно, упускать из виду, что идеи «аскетических коммунистов», наследников Бабёфа и его духовных учителей, стали неотъемлемой частью утопического коммунизма.

Рассматривая «исторический экскурс» Энгельса, можно делать упор либо на преемственности между утопиями XVI—XVII вв. и теориями Морелли и Мабли, либо на их принципиальном различии. Нам представляется, что при нынешнем состоянии советской историографии, посвященной утопическому социализму, когда и «Утопии», и «Городу Солнца» придается, как правило, преувеличенное значение, более полезен второй путь. Но конечно, воздаяние должного Морелли и Мабли ни в коей степени не требует умаления подлинных заслуг Томаса Мора и Кампанеллы.

Мы подошли к основному соображению, которое вынуждает нас не соглашаться с таким пониманием «аскетического коммунизма», когда к его представителям причисляют целую шеренгу поборников общности имущества — от Мюнцера и Мора до Морелли и Мабли и, главное, видят в нем «ранний утопический социализм». А отсюда один шаг до вывода, будто Томас Мор и был родоначальником утопического социализма. Необходимо помнить, что «аскетический коммунизм», по Энгельсу, был первой формой проявления нового учения, т. е. социализма, нового учения, опиравшегося на идеи французского Просвещения. Именно на идеи Просвещения, а не на социальные доктрины гуманистов Возрождения или радикальных деятелей Реформации. В истории социалистической мысли Морелли и Мабли сыграли выдающуюся роль: создав, по Энгельсу, «уже прямо коммунистические теории», они, на наш взгляд, заложили теоретический фундамент «аскетического коммунизма».

Наше стремление заострить на этом внимание исследователей будет, как мы надеемся, способствовать по крайней мере пониманию сложности самой проблемы.

Нет никаких доказательств, что Энгельс, работая над «Анти-Дюрингом», изменил свое представление об учении Мюнцера. Нелегко поверить, что Энгельс, прекрасно ощущавший ренессансный дух «Утопии», стал вдруг рассматривать Томаса Мора и Кампанеллу как поборников «аскетического коммунизма». Трудно счесть, что Мюнцер, чьи идеи были лишь «близки к коммунизму», или Мор, один из создателей «утопических изображений идеального общественного строя», могли в глазах Энгельса претендовать на роль родоначальников утопического коммунизма, тогда как Морелли и Мабли с их «уже прямо коммунистическими теориями» были бы только их последователями.

Разбирая черновой вариант начальных строк «Введения», мы словно проглядели подчеркнутые Энгельсом слова «современный социализм». А ведь если буквально понимать эту фразу, то получается, что дело с «первыми представителями» далеко не так просто, как может показаться.

Каждый, кто считает, что Энгельс относил начальный этап истории социалистических идей не к XVI, а к XVIII в., должен на

первый взгляд испытать удовлетворение от заключенных в черновом наброске дополнительных сведений. Энгельс, выходит, именно в Морелли и Мабли видел первых представителей утопического социализма? Но не насторожат ли подчеркнутые Энгельсом слова «*современный социализм*»? Ведь это его первыми представителями (в тексте перевода: «первые представители этого социализма») были Морелли и Мабли. Но если они первые представители *этого*, «современного» социализма, то существовал, видимо, и какой-то иной социализм, не «современный» — более давний. Как его ни называй, «прежний социализм» или просто «социализм», но его родоначальниками были не Мабли и Морелли. Может быть, Томас Мор или Мюнцер?

Но в чистовой редакции, помимо «современного социализма», упомянут и просто «социализм». Причем именно последний, как всякая новая теория, исходил из накопленного до него идейного материала, в данном случае — принципов французского Просвещения. Однако во второй фразе, где упомянуты эти принципы, речь идет вроде бы не вообще о социализме, а, скорее, о «социализме современном», поскольку подлежащее «он» относится к «*современному социализму*» — *словам, с которых начинается первая* фраза.

Обращение к подлиннику наших сомнений не рассеивает. Там просто «социализма» нет вообще: и во второй, и в третьей фразе стоит «он». Т. е. подразумевается «современный социализм»? Немецкий текст черновой редакции картины тоже не проясняет: и здесь, если понимать текст буквально, Морелли и Мабли выступают как первые представители «современного социализма».

Положение становится еще сложнее, когда мы вдруг убеждаемся, что «социализм», который появился в русском издании (подразумевается «утопический социализм»), отличный от «современного социализма»,— это конъектура переводчика или редактора [39].

На наш взгляд, более раннего социализма, чем утопический социализм, выступавший как дальнейшее развитие принципов французского Просвещения, не существовало.

Вопрос же о том, в какой степени «аскетический коммунизм» предшествовал собственно утопическому социализму и на какой стадии своего развития стал его неотъемлемой частью, требует специального рассмотрения.

Нельзя сказать, что советские историки уже с исчерпывающей полнотой выяснили все, что касается отношения Маркса и Энгельса к «грубому коммунизму; в разные периоды их политической борьбы и теоретической деятельности. Но одно несомненно: уравнительные

[39] Конъектура вполне оправдана, если считать, что «современный социализм», которым начинается «Введение» к «Анти-Дюрингу», есть синоним «социализма научного». Но как тогда понять черновой набросок, из которого следует, что Морелли и Мабли были первыми представителями именно «*современного социализма*»? Одно это показывает, сколь необходимо тщательно проанализировать, что в данном случае означало понятие «современный социализм».

стремления и проповедь «плебейско-пролетарского аскетизма» становятся тогда предметом их особенно суровой критики, когда призывы к такого рода грубой уравнительности, превратившись в анахронизм, препятствуют росту классового сознания масс и сковывают революционную инициативу.

Поэтому необходимо четко различать, когда призывы к поголовному поравнению и аскетической нетребовательности несли в себе реакционные черты, а когда они — особенно в далеком прошлом — помогали поднять угнетенных на борьбу за свое освобождение, пробуждали их от вековой апатии.

Когда мы говорим о необходимости дальнейшего углубленного изучения высказываний Энгельса, касающихся становления утопического социализма, то видим в таком изучении не только фундамент будущих теоретических разработок, но и творческий импульс, стимулирующий конкретно-исторические исследования.

Еще большие трудности, чем чрезмерное преувеличение роли утопистов XVI—XVII вв. в истории коммунистических идей, влечет за собой установка, согласно которой изучение их произведений необходимо будто бы уже потому, что они как часть утопического социализма являются одним из источников марксизма. Так, в недавно изданной работе «ранний утопический коммунизм» (имеются в виду утопии Мора, Кампанеллы и Вераса) расценивается как теоретический источник марксизма [40].

Нет, утопии Мора, Кампанеллы и Вераса ни в коей степени не были теоретическим источником марксизма. Жаль, что приходится напоминать об этом, но Ленин подчеркивал: учение Маркса «возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма... Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма» [41]. Ленин не случайно упомянул здесь о XIX в.— именно в его величайших достижениях, а не в далеком прошлом, обрел марксизм свои источники.

В «Анти-Дюринге» есть еще один отрывок, имеющий прямое отношение к занимающей нас теме. Обычно, как кажется, он не привлекается при рассмотрении вопроса, существовал ли в действительности «ранний утопический социализм XVI—XVIII вв.». «С тех пор как на историческую сцену,— писал Энгельс,— выступил капиталистический способ производства, взятие обществом всех средств производства в свое владение часто представлялось в виде более или менее туманного идеала будущего как отдельным личностям, так и целым сектам» [42].

[40] См.: *Бровина Л. В.* Проблема всестороннего развития личности в раннем утопическом коммунизме.— В кн.: Из истории утопического социализма. Свердловск, 1981, с. 44.
[41] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 40, 43.
[42] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 292.

Мы не будем рассуждать о том, сколь интересна эта мысль Энгельса в сравнении со все еще распространенным мнением о «социалистических идеях» в античном мире и в феодальную эпоху[43]. Но на одно следует обратить внимание. Говоря о ранних призывах к обобществлению средств производства как результате выхода на историческую сцену *капитализма*, Энгельс и словом не упоминает о каких-либо проявлениях хотя бы «аскетического коммунизма». Он предпочитает расценивать подобные идеи лишь в качестве «более или менее туманного идеала будущего», который проповедовали как отдельные лица, так и целые секты.

Здесь есть над чем поразмыслить. Советские историки и философы еще не проделали крайне необходимой работы: не определили различий сути многообразных утопий XVI—XVIII вв., внешне достаточно схожих.

Даже проекты, предусматривавшие обобществление средств производства, не говоря уже о давнем и расплывчатом требовании «общности имуществ», не могут, на наш взгляд, лишь в силу одного этого рассматриваться как памятники утопического социализма, коль скоро мы не выяснили, в какой исторической обстановке они возникли и, главное, чьи классовые интересы они выражали. Сама идея обобществления средств производства родилась, как видно, не столько в результате общего кризиса феодализма, сколько в результате реальных успехов мануфактурного способа производства. Это было и в тех случаях, когда поборники подобного обобществления не сознавали такой зависимости, а ссылались на «Деяния апостолов» или «естественное право».

Не надо забывать, что в эпоху первоначального накопления капитала мысль о преимуществах обобществления средств производства пытались в своих целях использовать люди разной сословной или классовой принадлежности, защищавшие в первую очередь собственные интересы. Далеко не всякий призыв к обобществлению имущества может быть назван «коммунистическим» и далеко не всякую утопию, рассказывающую о вымышленном государстве, где в той или иной степени осуществлен будто бы принцип «общности», следует относить к утопическому коммунизму. Провозглашение «общности имущества» в сочетании с различными видами коллективного труда могло в утопиях служить не ликвидации классовых различий, а укоренению социального неравенства. Историк общественной мысли не вправе упускать из виду, чему в том или ином утопическом проекте далекого прошлого служит «общность имущества» — торжеству подлинного равенства или, напротив, дальнейшему его ущемлению.

Нельзя, разумеется, настолько поддаваться гипнозу призывов к «общности», чтобы не различать действительного их содержания. Ведь они сопровождались, случалось, стремлением установить такой

[43] См.: *Белов П. Т.* О периодизации истории социалистических учений.— Научный коммунизм. 1973, № 4. с. 93.

принцип распределения, который призван был лишь облечь привилегии, порожденные социальной иерархией, в более совершенную форму. Иными словами, сама по себе «общность имущества» у ранних утопистов, коль скоро она не вела к ликвидации привилегий и классовых различий в вымышленном идеальном государстве, еще не дает оснований причислять их утопии к утопическому коммунизму.

Вернемся, однако, к анализируемому отрывку из «Анти-Дюринга». Даже авторы, специально занимающиеся методологическими вопросами истории социалистической мысли, соотношением между «утопическим социализмом XVI—XVIII вв.» и собственно утопическим социализмом и коммунизмом, не обратили еще должного внимания на саму формулировку Энгельса, в которой речь идет об «аскетическом коммунизме». В итоге получается, что нет никакого различия между «первой формой» утопического социализма и первой формой его проявления.

Но ведь это далеко не одно и то же! В «Анти-Дюринге» Энгельс предостерег против подобного смешения. Дюринг не понял Маркса и вульгаризировал его, заявляя, будто бы, по Марксу, капитал родился в начале XVI в. из денег. «Это то же самое,— продолжал Энгельс,— как если бы кто-нибудь сказал, что металлические деньги образовались три тысячи с лишком лет тому назад из скота, так как раньше, в числе других предметов, функции денег выполнял и скот. К такому грубому и превратному способу выражения способен только г-н Дюринг. У Маркса при анализе экономических форм, в которых совершается процесс обращения товаров, последней формой оказываются деньги. „Этот последний продукт товарного обращения есть *первая форма проявления* капитала“»[44] (подчеркнуто Энгельсом.— *Ред.*).

Маркс и Энгельс неоднократно указывали на необходимость делать различие между первой эмпирической формой проявления чего-либо и самой основой[45].

Обращение к соответствующим страницам Маркса и Энгельса позволит, надо надеяться, вывести из тупика споры о начальном этапе истории утопического социализма, споры, носящие подчас не только субъективный, но и несколько схоластический характер. Если мы научимся в каждом исторически обусловленном требовании равенства и общности имущества видеть продукт исторического развития, то полемика относительно «родоначальников» утопического социализма сможет быть перенесена в иную плоскость, где излишними будут споры, на каких словах Энгельса надо делать особое ударение и как проводить рубеж между собственно утопическим социализмом, «уже прямо коммунистическими теориями» и предшествующими им учениями об общности имущества и равенства.

[44] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 208. Ср.: Там же, т. 23, с. 157.
[45] См.: Там же, т. 23, с. 414. Маркс отмечал в «Капитале», что форма проявления иногда скрывает истинное отношение и создает «видимость отношения прямо противоположного» (Там же, с. 550).

Коль скоро мы станем уделять больше внимания диалектике развития, то что помешает нам, к примеру, увидеть в «уже прямо коммунистических теориях» Морелли и Мабли не только первую форму проявления утопического социализма, но и последний продукт предыдущего этапа в том вековом процессе выработки таких представлений о равенстве, которые, отражая противоположность между капиталистами и предпролетариатом, соответствовали его самостоятельным революционным устремлениям?

Внимательнейшее изучение всего того, что писали Маркс и Энгельс о различении формы проявления и сущности,— единственный, по нашему глубокому убеждению, путь к правильному теоретическому осмыслению роли «аскетического коммунизма» в истории социалистических идей.

Но это уже тема самостоятельной специальной работы.